

НАТАЛЬЯ НОВИКОВА

УМИРАЮЩАЯ ПЛАНЕТА

Книга хранится в библиотеке Роскосмоса

Наталья Новикова
Умирающая планета

«Автор»

2021

Новикова Н. А.

Умирающая планета / Н. А. Новикова — «Автор», 2021

Почему умирает планета? Что-то внутри неё не хочет продолжать жизнь. Народ ниббов уничтожил все ресурсы на своей планете и стал разорять соседние. Им нужна чистая вода, урожай и пленные, чтобы создавать наездников для огромных тварей, служащих ниббам оружием. Но однажды они захватывают пленника, обладающего способностями, которые не могут разгадать. Сможет ли он спасти умирающую планету или, наоборот, ускорит её гибель? Ответ зависит от того, не утратил ли он надежду обрести то, что ищет.

© Новикова Н. А., 2021

© Автор, 2021

Наталья Новикова

Умирающая планета

Я умираю. Вокруг только холод и братья-звёзды. Услышьте моё послание: я умираю. Вот вам моя история, пусть она будет прощальным подарком. Те, кто это слышит, знайте: вы уже ничего не исправите. Пройдут миллионы световых лет, будет уже слишком поздно.

Я помню её. Они не смогут отнять этого у меня.

Они ввели в мои вены какую-то дурь. Я чувствую, как она превращает меня в кого-то другого, кого-то равнодушного. Мне всё меньше хочется задавать вопросы. Хочется только повторять то, что делал вчера: двигаться вперёд, убивать врагов, пить их кровь. Ступать на их земли. Ощущать их страх.

Но я помню её. Я буду её искать.

Я помню, что она была дорога мне. Я узнал её, когда мы ещё были детьми. Мы вместе бегали босиком по траве и смеялись. Сколько себя помню – я всё время был с ней. Других воспоминаний нет.

Я вырастаю в своего сихра. Он голоден. Я голоден. Мне хочется насытиться кровью этих двуногих существ. Я вижу отчётливо, как пульс вздрагивает в каждой их артерии на шеях и запястьях.

Мои восемь ног перемещают меня от камня к камню, царапают по граниту. Восемь моих глаз отлично видят в темноте. Я замечаю, что один из двуногих напряг мышцы, присел и приготовился к прыжку. Но я опережаю его: обе мои задние ноги чиркают по твёрдому камню, я прыгаю, и мои челюсти защёлкиваются на его бедре. Тёплая кровь смешивается с моей вязкой слюной, и я вижу, что мои надсмотрщики довольны. Он отзывают меня, и я отползаю.

Я уже на корабле, в грузовом отсеке. Клетка с холодными прутьями. Другое небо – серое, неприветливое. Рассвет затмевают облака смога, который идёт от плавильных печей, где они превращают магму в свои прочные доспехи.

Меня отделяют от сихра. Эти твари охотятся только в темноте, поэтому мои враги совершают набеги по ночам. Меня помещают в ящик, где я могу только лежать, согнувшись пополам. Пищу мне не дают – они говорят, что я должен насыщаться кровью их врагов – людей из моего племени такаи. Когда я бываю наездником сихра, всё так и происходит: я не могу удержаться и терзаю их плоть. Но я помню её. Я буду её искать.

Лёжа в ящике из дерева, я вспоминаю её.

Её зовут Бетти. Моя маленькая Бетти. Её голубое платье взметалось каждый раз, когда она убегала, а я её догонял.

Я впервые поцеловал её, когда нам было по тринадцать. Она покраснела и крикнула, чтобы я больше так не делал. Но я видел, что ей понравилось. Она засмеялась и убежала, голубое платье взметнулось, и я побежал за ней.

Догнал её, свалил в траву, и мы хохотали, смотря в бескрайнее голубое небо.

– Ты когда-нибудь думал, что там, за облаками? – вдруг серьёзно спросила она. А я ответил:

– Не знаю. А какое это имеет значение?

– Ты что, не понимаешь? Где-то там есть планеты, и на них живут другие. Они, может, точно также лежат и смотрят сейчас в небо, а мы их не видим.

– Знаешь, мой дедушка рассказывал о других. Он говорил, что на каждой планете есть жизнь. Сама планета – это уже жизнь. Он рассказывал мне, что видел других.

– Как?

Её глаза распахиваются в удивлении, в них вспыхивает интерес.

– У моего дедушки было особое понимание. Он слышал деревья и волны. Мог разговаривать с теми, кого мы с тобой не понимаем – с животными, например. И он говорил мне, что каждая планета – и есть жизнь.

– Как ты думаешь, что это значит? Мы не одни в этом мире?

– Мы точно-точно одни на этой поляне, – шепчу я ей в ухо. Она смеётся от щекотки, а я люблюсь её лицом.

В броне из застывшей лавы они неуязвимы. Ни один такаи из моего племени не может поразить их. Они зовутся ниббами, что означает «завоеватели». Они безжалостны и жестоки. Свою планету они давно убили, и теперь им нужно где-то брать ресурсы и пропитание. Даже самая крепкая броня из переплавленной лавы не спасает их тела от цинги и рахита. Им нужны наши земли и то, что на них растёт. Поэтому они отбирают наездников для сихров, и теперь я – один из них.

Они посягнули на нашу планету. Но что важнее – они разлучили меня с Бетти. Они за это заплатят.

Хью, старший помощник командующего отрядом, мерил шагами белую комнату лаборатории. Что-то было не так с номером двадцатым. Он соединялся со своим сихром, но в момент отсоединения в его поведении оставалось что-то враждебное. Это было едва уловимая злоба в глазах и напряжение в пальцах, и это очень беспокоило Хью.

Сейчас, как никогда, было важно, чтобы высадки, которыми он руководит, приносили максимальный результат. Его двухлетний сын Мао страдал от рахита, и это необходимо было остановить: поскорее добыть нужное количество свежих продуктов, чтобы выжать из них концентрат. Каждую ночь, когда Хью уходил на задание, он смотрел на тощее тельце в кровати, на бледную жену, неусыпно дежурящую рядом. Она заламывала руки и каждый раз с мольбой спрашивала, как прошла их вылазка. Она ничего не комментировала, но он видел, как она отчаялась. Мао был для неё всем после восьми лет бесплодных попыток забеременеть.

С номером двадцать было что-то не так, а что именно, должно было прояснить обследование, назначенное на сегодня. За дверью послышались приближающиеся шаги, Хью одёрнул на себе форму и встал по стойке «смирно». Вошёл капитан Клод.

– Да процветают ниббы! Приветствую, Хью!

– Да будет Вселенная обращена к нам. Приветствую, капитан!

– Как вам известно, мы рассмотрели ваш рапорт о номере двадцать и намерены провести обследование сегодня.

Это означало, что мозг номера двадцать тщательнейшим образом просканируют в трёх спектрах на предмет отклонений в виде остаточных воспоминаний и положительных эмоций на раздражители.

– У нас на него большие планы, Хью. Мне не хотелось бы, чтобы номер двадцать был списан. Ты понимаешь, о чём я?

– Да, сэр. Если возникнет необходимость, мы, согласно протоколу, должны будем ввести повторную инъекцию.

– Именно.

– В чём его исключительность, сэр?

Капитан сощурил глаза:

– Не потеряй его, Хью. Он очень важен для нашей миссии.

Капитан, чеканя шаг, вышел из лаборатории.

Хью стал ждать.

Через пятнадцать минут в комнату вкатили номера двадцать, привязанного к креслу. Лаборант запустил сканеры и начал настраивать их на нужную частоту. Хью смотрел на экран, краем глаза поглядывая за испытуемым: тот не выказывал попыток вырваться. На его лице застыл оскал, в глазах – ледяное равнодушие. Сложно было сказать, что номер двадцать думал о предстоящей процедуре, и думал ли вообще.

Экран замигал, и Хью принялся рассматривать дёргающееся изображение.

Меня привязали ремнями и притащили в комнату, где белые стены, пол и потолок слепят глаза. Подключили какие-то провода и теперь смотрят на экран. Наверное, что-то пошло не так. Их дрянь не подействовала, или подействовала не так, как они рассчитывали.

В глазах рябит. Лысый спрашивает что-то о такаи. Это моё племя, придурок, если ты этого не знал. Картинка на экране дёргается, но я угадываю в ней своих. Девять ребят – наш отряд, который вышел встретить захватчиков. Они все полегли, все, кроме меня. Мой пульс учащается, ремни больно врезаются в кожу запястий. Оказывается, я сжимаю кулаки. Изображение на экране теперь чёткое: девять такаи, четверо справа и пятеро слева. Я вёл их в бой, но привёл только к смерти. Странно, что я не помню их имён. Помню только лица, и больше ничего.

Высокий в выглаженной форме отворачивается от монитора и смотрит мне в глаза. Лысый снова задаёт вопрос, на этот раз про вчерашнюю ночь. Вижу на экране такаи, который изготовился прыгнуть. Я прыгаю, вонзаю свои челюсти в его бедро. Вспоминаю вкус крови на губах...

Я замотал головой и попытался прогнать это воспоминание из головы. Они ковыряются в моих мозгах. Им что-то нужно.

Вопрос лысого:

– Кого ты ненавидишь?

На экране вспыхивает его лицо. Он недоволен – это видно по его перекошенной физиономии. Я ухмыляюсь. Плюнул бы в него, да мешают ремни.

Голос высокого:

– Почему он не перестал ненавидеть нас?

Лысый жмёт плечами, лезет в другой аппарат, стучит по кнопкам.

Они хотят, чтобы я подчинялся им. Перестал их ненавидеть. Но они потерпят неудачу. Потому что я помню её...

Изображение на экране дёрнулось. Появилась она. Моя Бетти.

Лысый наклоняется к самому моему лицу. От него несёт плохо переваренным мясом.

– Почему вы считаете себя частью племени такаи? Эта особь – ваша семья?

Видимо, ответ им важен: лысый и высокий напряглись, внимательно на меня смотрят. Наверное, я не должен помнить её. Но я помню, ещё как помню! Бормочу, мотаю головой, чтобы лысый наклонился ближе, а затем шепчу ему в самое ухо: «Выкуси!». Смеюсь, пока меня увозят из белой комнаты.

Лаборант ещё раз прокрутил запись сканирования. Их интересовало изображение женской особи такаи. Она лежит в зелёной траве, большую часть изображения занимает голубой цвет – небо и часть её одежды. На лице улыбка, она смотрит прямо на Хью. Вернее, на номер двадцать – такой он её помнил.

Он вспомнил такайку – вероятно, свою жену или подругу. Этого не должно было произойти, ведь согласно отчётам, ему ввели полную дозу рапилия – вещества, выжигающего воспоминания и эмоции. Каждого потенциального наездника подвергали этой процедуре. Наездник должен полностью сливаться с сихром, которым управляет, а для этого требуется проникновение в его нервную систему. Такое проникновение достигается чувствительными

датчиками, которые устанавливаются в височные доли мозга наездника и в лобную долю мозга сихра. Соединение номера двадцать проходило без сбоев, но всё же, он не должен был запомнить ничего из прошлых событий. Указание капитана на то, что двадцатый важен, добавляло Хью подозрений в том, что справиться с возникшей проблемой будет не так-то просто.

Я найду тебя, Бетти. Как только выберусь отсюда.

На третьи сутки пребывания в ящике они снова вкололи мне что-то. Первое время ничего не менялось, а потом резко заболело в висках, и я отрубился.

Я слышу ровное гудение. Не знаю, что это, но оно не утихает ни на минуту. Они снова таскали меня в белую комнату и задавали вопросы. Я снова видел Бетти – там, на большом экране. Изображение дёргалось и прыгало, но я смог увидеть её и улыбнулся. Может, я умру здесь, но если нет – если мне повезёт и я выберусь, Бетти, я найду тебя.

Меня снова соединяли с сихром и доставляли на мою родную планету. Я хотел искать Бетти, хотел убежать, но опять почувствовал голод. Мы совершили набег с другими наездниками и отрезали пятерых такаи от их союзников. Я перестал слышать гул, перестал чувствовать что-либо, кроме звериного голода и желания убить. Меня чуть не стошнило, но желудок был пуст, а тело сихра жаждало новой пищи. Надсмотрщики позволили прикончить три такайки, и мой сихр насытился, а вместе с ним насыщение пришло и ко мне.

Позже, при свете дня, когда меня вновь бросили в ящик и гудение заполнило мои уши, вспоминал лица тех такаи. Несчастные даже не пытались бежать – они просто стояли, оцепенев, и в их глазах я видел ужас. Я и сам ужаснулся, когда увидел сихра впервые.

Нас было десять. Я не могу вспомнить их имён, остались только лица. Мы прикрывали отход основной группы. Я был полон решимости прогнать захватчиков с нашей земли, потому что они вторглись на территорию, на которую не имели никаких прав.

Старейшины рассказывали нам, что ниббы – так звались захватчики – убили всё живое на собственной планете и принялись за соседние. Они совершали набеги по ночам, когда свет дневной звезды мерк. Они приводили с собой огромных пауков на длинных блестящих лапах, а сами одевались в магму, которая делала их хилые тела неуязвимыми для наших стрел. Им нужны были ресурсы – урожаи с наших полей, чистая вода из наших рек. А ещё им нужны были наездники. Сихры – тупые злые твари, которых легко перебить поодиночке. Но ниббы научились срачивать их с наездниками.

Отец говорил мне, что однажды они забрали его брата и сделали из него наездника. Он увидел брата при одном из набегов, сидящего на спине одной из этих мерзких тварей. Глаза его были пустыми – он как будто не видел моего отца и не отзывался на своё имя. Тогда отец осознал, насколько сложно будет их победить. Они используют против нас наших же братьев, превращают их в безвольных марионеток на спинах своих чудовищ и ведут их в бой, как телков.

Когда наш отряд столкнулся с ниббами, я крикнул товарищам, чтобы сомкнули строй и держались бок о бок, выставили вперёд копыя.

– Попробуем пустить кровь этим тварям, – крикнул я, – и посмотрим, действительно ли она голубая!

Я видел четырёх ниббов, которые встали справа и слева от тварей и не пошли вперёд. Помню, как пауки стали подбираться к нам медленно, вперив в нас свои выпуклые глаза и переставляя длинные лапы. Я хотел крикнуть своим, чтобы кололи в глаза, но от страха не мог пошевелиться. Помню, как твари сделали несколько больших прыжков и оказались у меня за спиной. Помню крики товарищей, хруст костей и чудовищные хрипы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.